

1

Марен

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ОКОНЧАНИЯ ДОСРОЧНОЙ
ПОДАЧИ ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ
В СТЭНФОРД

В последние шесть с половиной лет не проходило и дня, чтобы Марен Прессли не мелькнула в коридорах сиэтлской Академии Эллиот-Бэй. Обычно она появлялась здесь как персональный помощник Алисии Стоун и представляла интересы своей работодательницы, которая, взвалив на себя многочисленные волонтерские обязанности, не желала исполнять их лично. По правде говоря, случаи, когда Марен заглядывала в академию в качестве мамы Винни, можно было перечесть по пальцам. В отличие от остальных мамаш учащихся, Марен крутилась как белка в колесе и дорожила каждой, так редко выпадавшей ей, свободной минуткой, а потому не имела привычки тратить драгоценное время на сование носа в школьные дела дочери. Винни и без нее прекрасно справлялась.

Однако в семь утра Марен получила сообщение от консультационного центра академии. Ее вместе с Винни

просили — или вынуждали? — безотлагательно встретиться этим же утром с университетским куратором. Местные мамы вечно судачили, что семь кураторов академии, по сути своей, обладают ничем не ограниченной властью и вольны распределять учащихся в элитные университеты по собственному усмотрению. На вечеринке по случаю начала учебного года Марен подслушала разговор группы родителей, рассказывающих, как они, все бросив, мчались в академию по первому же зову консультационного центра: титаны хай-тека срывались с совещаний, доктора — с плановых операций, а одна купавшаяся в деньгах разведенка — вы только представьте! — даже выскользнула из-под скальпеля хирурга, делавшего ей лабиопластику. (То, что мамы в упор не замечали Марен, иной раз могло сослужить ей добрую службу.) Поэтому, взвесив все за и против, Марен решила выполнить свой материнский долг и сопроводить Винни в школу. По дороге, поглядывая на часы, она еще питала надежды, что встреча — каковы бы ни были ее причины — окончится быстро и у нее хватит времени разобраться с кучей работы, которой ее завалила Алисия.

Когда она зашла в кабинет мисс Лоусон, Винни, затянув длинные светлые волосы в неряшливый узел, уже поджидала ее, примостившись на краешке стула и мечтательно уставившись в стену. Проследив за ее взглядом, Марен пробежалась глазами по школьным афишам, спортивным флагом и пестрой мозаике фотографий, где студенты всех национальностей, высокие и низкие, большие и маленькие, толстые и худые, серьезно смотрели на нее на фоне утопающих в зелени учебных площадок и университетских корпусов в готическом стиле.

— Здравствуйте, мисс Лоусон. Я Марен Прессли. Мы встречались с вами прошлой весной.

Марен пожала куратору руку и пристроилась на свободном стуле рядом с Винни.

— Да, да, — поддакнула мисс Лоусон, расплываясь в широкой улыбке. — Поверить не могу, что вы мама Винни. Вы так молоды!

Она повернулась к девушке и доверительно сообщила:

— Ты просто счастливица. Моя мать родила меня в сорок три года, и люди думали, она моя бабушка. Я просто сгорала со стыда. А вас с мамой можно принять за сестричек, особенно если одеть одинаково.

— Если бы всякий раз, как я это слышу, мне платили... — хихикнула Винни.

В свои тридцать пять лет Марен в элитной частной школе Эллиот-Бэй выглядела настоящей белой вороной. В зажиточном Сиэтле матери ее возраста чаще всего катали в колясках младенцев да семенили за только-только начавшими ходить карапузами. И хотя она старалась не привлекать к себе внимания, в академии ее цветущее юностью лицо разительно выделялось среди поблекших лиц прочих родительниц, годившихся в большинстве своем ей в матери. Но, незначительно выигрывая у них в возрасте, Марен заметно проигрывала им в статусности. Она не обладала ни малейшим атрибутом принадлежности к высшему обществу: ни роскошным электро-мобилем, ни фирменной спортивной одеждой вкупе с дизайнерскими сумочками, ни престижной специальностью или ученой степенью, о которых так приятно намекнуть в дружеской беседе, небрежно упомянув не самое ходовое название своего университета: «Как любил говорить мой преподаватель по маркетингу в Келлогге...» — или и вовсе прибегнув к абракадабре-аббревиатуре: «Когда я училась в ГШБ...» Поэтому Марен, изнывая, считала оставшиеся до весны дни. Весной Брук,

дочь Алисии, и Винни должны были окончить академию, а Марен — раз и навсегда распрощаться с этой клоакой.

— Итак... Значит... Э-э... — Мисс Лоусон нервно потербила пирсинг в хрящевой пластинке уха. — Меня уполномочили сообщить вам не самые приятные известия. Все изменилось в последний момент, и... возникли некоторые сложности... Вот я и собрала вас в срочном порядке...

Марен наострила уши. Слишком уж не вязались эти слова со всей обстановкой консультационного центра, призванного «превращать мечты в реальность».

— Ну и?..

Подсунув под себя загрубелые руки, Марен коротко стриженными ногтями впиалась в изящные шерстяные брюки: в прошлом году она урвала их в благотворительном магазинчике «Вале-Вилладж», куда отвозила гигантскую гору тряпья, извлеченного из шкафов Алисии и Брук. Как ни велико было искушение, Марен, призвав на помощь всю силу воли, ему не поддавалась и придерживалась строгого правила — никаких обносков с плеча нанимательницы. Даже ради Винни.

Правда, однажды она его все же нарушила, вскоре после того как Винни поступила в девятый класс академии. Дочь упросила Марен забрать выброшенный Брук за ненадобностью модный рваный свитерок розового цвета, совсем новый, с несрезанными ярлычками. На следующий же день Винни отправилась в нем в школу, но, вернувшись с тренировки по бегу, прямо на пороге рывком выхватила свитер из спортивной сумки и изорвала его в локуты. Тогда и пришел конец многолетней пламенной дружбе девочек, и Брук начала демонстративно избегать общества Винни. Почему — Марен так и не поняла. Брук всегда казалась ей доброй

и отзывчивой. И ее поведение поставило Марен в такой же тупик, что и Винни.

— Какие новости вы хотите нам сообщить, мисс Лоусон? — без обиняков спросила Винни.

Пока мисс Лоусон, пряча глаза, перебирала на столе бумаги, Марен сохраняла на лице безучастное выражение и благопристойно сидела, выпрямив спину. Похоже, эта привычка, с детства вбиваемая в нее матерью в душных комнатах родного дома и в загородном клубе, осталась единственным связующим звеном в цепи их давным-давно прервавшихся отношений.

Мисс Лоусон вскинула голову, словно сверяясь с установленным на потолке телесуфлером.

— Хм... Э-э... Понимаете ли...

Она закатала рукав, так что на внутренней стороне предплечья обнажилась крохотная татуировка с черной бабочкой, и продолжила.

— Четверо студентов-спортсменов — рекорд для нашей академии, честное слово! — подали заявления в Стэнфорд. Я знаю, что в прошлом году мы с Винни обсуждали досрочную подачу в этот университет, и в течение ближайших трех недель ей следовало бы отправить документы, однако... Однако вынуждена вас огорчить: мы связались с приемной комиссией Стэнфорда, и нам заявили, что в этом году они возьмут из нашей академии только одного дополнительного студента.

— Но в прошлом году они брали семь человек, разве нет? — Голос Винни звенел от волнения.

— Верно, — кивнула мисс Лоусон, — но, оказалось, в этом году они собираются принять как можно больше выпускников из обычных общеобразовательных учебных заведений и вынуждены сократить количество поступающих из привилегированных частных школ, таких как наша академия.

— Но я перешла из обычной школы в академию только затем, чтобы повысить свои шансы на поступление в Стэнфорд!

Прежде чем мисс Лоусон успела открыть рот, в разговор вклинилась Марен.

— Все это очень интересно, — сказала она, — но какое отношение это имеет к Винни? Она лучшая ученица и, кроме того, имеет бесспорный приоритет: Винни — студентка в первом поколении.

Как им объяснили в консультационном центре прошлой весной, Винни представляла особый интерес для элитных колледжей. Их прельщали не только ее выдающиеся способности и блестящая академическая успеваемость, но и так называемый козырь, дающий ей преимущество перед остальными: Винни являлась первой в семье Прессли, поступающей в высшее учебное заведение. Марен это приятно удивило, хотя, надо признать, ничего особо отрадного в этом, в общем-то, не было — все равно что получить Нобелевскую премию после смерти. Однако, зная, насколько это важно для Винни, Марен ликовала. Вероятно, Винни тоже праздновала победу. Похоже, преждевременную. Что ж, если им хотят дать от ворот поворот, пусть проявят любезность и выложат все начистоту.

Мисс Лоусон неуютно заелозила в кресле.

— М-м... да, разумеется, как мы уже отмечали, при прочих равных Винни была бы превосходным кандидатом для поступления, но... Но теперь приходится учитывать, что в этом году наши бесподобные спортсмены заняли почти все свободные места, хм... Более того, знаете ли, в нашей школе имеются ученики, обладающие еще большим, чем у Винни, приоритетом. Само собой, Винни вольна поступать как ей заблагорассудится и может попытаться счастье со Стэнфордом, однако мы полагаем, ей

лучше подать заявление в какой-нибудь другой университет, за поступление в который в нашей школе сражаются не столь отчаянно. В конце концов, козырь Винни дает ей уникальный шанс поступить в любой университет, входящий в расширенную Лигу плюща.

Марен метнула на мисс Лоусон взгляд, исполненный отвращения, который та, вероятно, приняла за растерянность.

— *Расширенной* Лигой плюща, — пояснила она, — мы называем ассоциацию восьми старейших университетов Америки и объединение университетов со схожей репутацией и правилами приема. В это объединение входят, в частности, Стэнфорд, Массачусетский технологический институт, Калифорнийский технологический институт и Чикагский университет. В любом случае повторю: помимо Винни в нашей школе есть ученики, которые не только обладают всеми преимуществами для поступления в Стэнфорд, но и намерены поступать только туда.

Марен стиснула зубы и сощурилась, чтобы не выдать клекотавшей в ней ярости. Ее материнские чувства были возмущены до предела. Понятно как дважды два, что на самом деле скрывалось за словами мисс Лоусон. Они хотят расчистить дорогу либо для «наследника» Стэнфорда, студента, чьи родители когда-то окончили этот университет, либо для толстосума с полной мошной денег. А может, для студента, у которого есть и то и другое. Все они в этой академии одним миром мазаны. Талдычат, как заведенные, о равных возможностях и справедливости, но стоит кому-то ненароком встать у них на пути, и они тотчас, без малейшего зазрения совести (это Сиэтл, детка) избавляются от более слабых и менее удачливых, чтобы протолкнуть своего избранника.

— Но как же так, мисс Лоусон? Вы сами убеждали меня прошлой весной, что ни у кого в Эллиот-Бэй нет

таких великолепных шансов для поступления в Стэнфорд, как у меня. Так почему вы советуете *мне*, а не другим ученикам поискать новый университет?

— Винни, ты же знаешь, мне запрещено обсуждать с тобой других учеников.

— Значит, вы всем это говорите? — допытывалась Винни. Голос ее предательски дрожал.

— Вин, это неважно. — Марен нежно дотронулась до руки дочери. — На Стэнфорде свет клином не сошелся. Найдем тебе другой чудесный университет. Такой, что у тебя дух захватит. Обещаю.

— Да при чем тут это? Почему ты вечно прячешь голову в песок? Речь идет о моем будущем. Чем Крисси или Брук лучше меня? С чего вдруг они должны занять мое место? Их матери все за них делают, только что тесты не пишут. А я учусь сама, без посторонней помощи!

Мисс Лоусон оторвалась от монитора компьютера и расплылась в улыбке.

— Возможно, тебе следует взглянуть на это с другой стороны, Винни. Считай, что судьба дает тебе еще один шанс. Ты добилась потрясающих успехов, и я уверена, мы подберем тебе университет по заслугам и — по средствам. Какого ты мнения об Орегонском университете? Или Университете Кейс-Вестерн? Когда они заманивают таких звездных абитуриентов, как ты, их щедрость не знает границ.

— С чего вы взяли, что мы не в состоянии заплатить за учебу? — огрызнулась Винни, никогда раньше не позволявшая себе подобного оскорбительного тона в общении со старшими. — Если мы не так богаты, как остальные, это не значит, что мы удовольствуемся объедками.

— Вин, довольно! — прикрикнула на дочь Марен к облегчению растерявшейся мисс Лоусон, которая явно

не знала, что ей ответить, и резко обернулась к куратору. — Благодарю, что поставили нас в известность. Разумеется, мы многое не успели обсудить, но, думаю, на сегодня достаточно. Мы и так отняли у вас время.

Красноречиво вздернув бровь, Марен взглянула на дочку, подхватила с пола сумку, поднялась и направилась к двери. Подражая дамам из высшего общества, среди которых она вращалась только по мере необходимости, Марен выдавила из себя дружелюбную улыбку, пожелала мисс Лоусон хорошего дня и, подталкивая в спину справедливо разобиженную Винни, покинула кабинет, чтобы... получить очередной пинок от судьбы.

Второй урок уже начался, но Винни не пошла в класс, а поплелась вслед за Марен на автостоянку, плюхнулась на пассажирское сиденье их автомобильчика, с треском захлопнула дверь и разрыдалась.

— Это несправедливо, мам!

Черт побери, разумеется, несправедливо! Трясущимися от гнева руками Марен никак не могла попасть ключом в замок зажигания. Все эти годы в академии об нее вытирали ноги, и она молча сносила пренебрежение, лишь бы дать Винни возможность раскрыть свои таланты. И чего ради? Ради горькой пилюли, которую сегодня заставили проглотить ее дочь? Однако... надо выдохнуть. Взять себя в руки. Винни и без того тяжело, нельзя усугублять ее страдания.

— Жизнь вообще несправедлива, — философски заметила Марен и положила руку на плечо дочери, но Винни тут же ее сбросила. — Послушай, я стараюсь, как могу, но я не всесильна. Если в Стэнфорде осталось одно свободное место, то его займет Брук, а не ты. Только попробуй подай заявление, и — к гадалке не

ходи — Алисия меня уволит. Мы не имеем права так рисковать.

Марен повернула ключ. Мотор несколько раз чихнул и фыркнул, прежде чем завестись, а женщина застыла на сиденье, ожидая, когда Винни успокоится и вернется в школу.

— Но Стэнфорд — это моя мечта. Кроме Стэнфорда мне ничего не надо. Они не посмеют забрать его у меня. Я делала все, что ты мне советовала. Мирилась с издевательствами из-за того, что годами выклянчивала эту мерзкую финансовую помощь, улыбалась, не высовывалась и усердно трудилась — лучше и больше всех.

В последний раз с таким горьким отчаянием Винни высказывала все, что накопело у нее на душе, в первый год обучения в академии, когда Брук и все ее одноклассницы отправились покупать бикини за тысячу баксов для отдыха во время зимних каникул. Каникулярные планы Винни предполагали нечто совсем другое — она собиралась помогать Марен выгуливать собак, чтобы наскрести денег на дорогостоящее снаряжение, необходимое для всех обучающихся в Эллиот-Бэй, поскольку учеников в обязательном порядке посылали на общественно-полезные работы по уборке мусора с пляжей Тихого океана. Ирония ситуации, когда приходится убирать собачьи какашки, лишь бы не упустить шанса покопаться в мерзкой гнили и дряни иного рода, от Винни тогда не ускользнула.

— Винни, положи руку на сердце, ну почему Стэнфорд для тебя так важен? Не понимаю... Да любой диплом о высшем образовании распахнет перед тобой двери и подарит миллиард возможностей. Стэнфорд не единственный хороший университет. Что, если ты просто забила себе голову чудесной сказкой?

Хлюпнув носом, Винни настороженно покосилась на мать.

— Помнишь ту футболку с логотипом Стэнфорда, с которой я ни на день не расставалась?

— Ты хочешь сказать — не расстаетесь. Ты же ее до сих пор носишь, хотя она тебе на нос еле-еле налеза-ет, — поддразнила ее Марен.

— Ну да... — протянула Винни. — Тот день, когда Алисия мне ее подарила, так и стоит у меня перед глазами. Они только-только вернулись с Брук из поездки по Стэнфорду. Сколько нам тогда было? Лет восемь? А я помню все как вчера: Алисия протягивает футболку, кладет руки мне на плечи, смотрит прямо в глаза — у меня аж мурашки по коже бегут — и говорит, что Стэнфорд — самый лучший университет в Америке и что, если я буду стараться, я смогу туда поступить и стать такой же успешной, как и она. Ее слова запали мне в душу. Не то чтобы я не уважала твой выбор и не ценила все, что ты делаешь, не пойми меня превратно, но... я хочу большего. Я хочу так же головокружительно преуспевать, как Алисия. Я хочу, чтобы меня все уважали.

Марен вздрогнула, как от удара.

— То есть я не имею в виду, что тебя люди не уважают... Просто Алисия любит повторять, что я для нее будто родная дочь. И заявление Стэнфорда ничего не значит. Алисия наверняка отыщет какую-нибудь лазейку и сможет устроить в Стэнфорд двоих, а не одного, как нас пугают. То есть вдруг у нее были бы близнецы, а? Неужели ты думаешь, она бы позволила поступить в Стэнфорд только одному из них? Да ни за что! Она всегда мечтала, чтобы мы поступили туда вместе. Мы с Брук постоянно это обсуждали. Да Алисия за нас костями ляжет!

— Костьми, — поправила ее Марен. — Но это ей не поможет. Алисия тут бессильна.

— Ой-ой, граммар-наци. Мы не со-бе-се-ду-ем-ся, мы — бе-се-ду-ем.

— Прости... — Марен почувствовала угрызения совести — вечно-то она шум из-за пустяков поднимает. — Что ж, картина мне ясна. Понимаю, Алисия — твой герой, однако ты кое-что упускаешь из виду. Заруби себе на носу: у Алисии на Брук далеко идущие планы и, прокладывая ей дорогу, она ни перед чем — и ни перед кем — не остановится.

— Знала бы ты, какой грязью поливает Брук свою маман на каждом углу. Уши в трубочку сворачиваются. Но Алисия просто хочет ей помочь. А Брук не понимает своего счастья. Да Стэнфорд ей как собаке пятая нога. Кроме того, ее средний балл достаточно средний. Таких, как она, к Стэнфорду и на пушечный выстрел нельзя подпускать.

Винни замолчала, переводя дыхание, и Марен согласнo кивнула.

— Солнышко, я все понимаю. У тебя есть повод злиться, но мы в таком положении, что нам нельзя рисковать. Стоит Алисии пронюхать, что ты намерена обойти Брук, и она взбеленится. Давай не раскачивать лодку. Если Алисия будет на нашей стороне, ты, безусловно, поступишь в какой-нибудь отличный университет. Гарвард? Йель? Колумбия?

— Нет.

— Что — нет? Какой из них тебе не по нраву?

— Любой. Нет значит нет. Нет — и точка. Без вариантов. Ты всегда твердила мне, чтобы я следовала за мечтой. Не ставь мне палки в колеса. Я не собираюсь перебираться на Восточное побережье. Я собираюсь поступать в Стэнфорд. И я найду способ поступить туда. С твоей помощью или без нее.

Марен со стоном опустила голову на грудь, легонько стукнувшись лбом о руль.

— Не надо махать красной тряпкой перед Алисией. Она нам этого не простит.

— Мам, ну пойми ты меня, пожалуйста! Я просто хочу честно поступить в Стэнфорд. Я заслужила его по праву.

Запустив пальцы в свои прямые светлые волосы, Марен попыталась собраться с мыслями, но мозг ее кипел, как вода, в которой она два часа назад варила яйца на завтрак для семейства Стоунов, и единственное, о чем она могла думать, так это о том, что ей требуется время, чтобы все взвесить.

— Вин, притормози. Давай поговорим об этом позже. Мне надо все как следует переварить. Чем я и займусь в выходные.

— Но подача документов через три недели! Ты предлагаешь мне семь дней впустую потратить? Очуметь! Да я могла бы над эссе поработать!

«Если бы существовал прибор для измерения уровня истерии, — подумала Марен, — сейчас бы его стрелка неуклонно ползла к делению “спасайся кто может”».

— Тише, Вин, — шикнула она. — Работай над своими эссе сколько угодно. Они же в любом случае пригодятся для поступления. Хотя бы и в другие университеты, разве нет?

— Нет. Не пригодятся. Это особые эссе, только для Стэнфорда, — раздраженно гаркнула Винни. — Если бы уделяла мне хотя бы одну десятую долю того внимания, какое уделяют своим детям другие матери, ты бы об этом знала. Я ведь не прошу тебя сходить с ума и трястись надо мной, как полоумная маман Крисси Вернон! Но отличай хотя бы заявку на поступление от дополнительного эссе!

Марен не выдержала и в сердцах двинула кулаком по рулю.

— У меня, в отличие от всех этих мамаш, нет времени прыгать перед тобой на задних лапках! Тебе ли не знать, что я пашу, как лошадь, сутки напролет! У меня сумасшедшая работа и три халтуры на стороне! И мы все равно еле-еле сводим концы с концами!

Марен редко повышала на Винни голос. Бросив милостливый взгляд в окно, она выдохнула и немного смягчила тон.

— Слушай, я всегда пребывала в уверенности, что как только тебе понадобится помощь, ты о ней попросишь. Я тебе доверяла. Так почему же сейчас ты ведешь себя как дрянная девчонка?

Винни, явно огорченная, потупилась.

— Прости. Ты права. Наверное, так я и пыталась попросить тебя о помощи, но, похоже, дала маху. Просто... никогда в жизни я ничего так страстно не желала. Пожалуйста, посмотри на это моими глазами. Помечтай о чем-то большем...

— Дай мне пару дней, хорошо? — сдалась Марен.

Винни подняла на колени рюкзак, стоявший у нее между ног, и дернула молнию.

— Как скажешь, — недовольно буркнула она, пожимая плечами. — Ладно, мне пора на математику. До вечера.

Дверца захлопнулась с таким грохотом, что внутри Марен все перевернулось. Она проводила взглядом высокую, худенькую фигурку дочери, мчавшуюся в класс в своем обычном школьном прикиде: облегающей толстовке с капюшоном и узких, в обтяжку, джинсах, пестревших дырами, — затем, прежде чем нажать педаль газа, посмотрела на себя в зеркало заднего вида и вздохнула, заметив под глазами черные круги. Винни ошибалась, полагая, что она не мечтала о лучшем будущем для них обеих, и наивность дочери болью отзывалась в материнской груди. Марен жила только ради Винни,

выворачиваясь наизнанку, лишь бы обеспечить ей достойное будущее. У нее и мысли не возникало разрушать единственную мечту Винни, однако мечта эта была совершенно, совершенно недостижима. Лишившись поддержки Алисии, Марен лишится всего: денег, работы, видов на будущее, безопасного существования. Как только Винни уедет в университет и станет сама себе хозяйка, Марен освободится от ига Алисии. Однако сейчас выбора у нее не оставалось: ей кровь из носу необходимо было убедить дочь поступать куда угодно, только не в Стэнфорд.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)

[Mifbooks](#)